

но описывает географическое положение Самарканда, климат, природу. Для топонимиста примечательны упоминания названий населенных пунктов (Фергана, Кашгар, Бухара, Хорезм, Ташкент, Бинакет, Шаш, Термез и др.) полей и каналов (Конитил, Будана, Куруг, Кулба [5; 70-71]). Бабур подробно описывает быт, торговлю, однако несомненный интерес у филологов, религиоведов и социологов вызовут деяния знаменитых просветителей (Амири Усман, Сахоба Кусанибн Аббас, шейх Абу Мансур, Ходжа Исмаили Хартанг, Алишер Наваи и десятки других).

В «Бабурнаме» исторические события, обычаи и нравы освещены с позиции вдумчивого просветителя, особенно в тех случаях, когда Бабур дает справедливую оценку интеллектуальному наследию известного поэта — Навои, а также современников Бабура — Шайхима Сухайлия, Ахмада Хаджибека, Байсунгура Мирзы, Камалиддина Бинаи, Мухаммеда Салиха и др.

Любопытны зарисовки Бабура, касающиеся архитектуры Самарканда. Самые изящные здания города связаны с именем Тимура и его наследников. Бабур пишет: «В самаркандской арке воздвигнутые Тимуром четыре яруса — Коксарай» [6; 71] — центр, где заседали правители, трон, место, где осуждали провинившихся. В этой связи Бабур поведал о жестокой судьбе султана Али Мурзы.

Около ворот дворца находилась мечеть, у входа на ее стене были высечены священные слова из Корана. В самаркандском каменном дворце Чакаре располагалась медресе, выстроенное внуком Тимура Мухаммедом Султаном Мирзой, рядом находилась гробница Улугбека, бережно охраняемая теперь узбекским народом.

В «Бабурнаме», помимо медресе, мечетей, бани, подробно описана знаменитая обсерватория Улугбека, ставшая памятником астрономии средних веков, а также Багги Майдан, Чилетун и многое другое. Уникальные сооружения возводили как местные, так и иностранные зодчие, оставившие потомкам неповторимый Самарканд. Так, во дворце Чилетун сохранилась «Фарфоровая комната», поражающая своим изяществом и красотой.

Великое творение Захир ад-дина Мухаммеда Бабура было и остается своеобразной энциклопедией Средней Азии XV–XVI веков. Такие номинативные знаки, как Самарканд, Бабур ассоциируются с событиями, уходящими в далекое прошлое, оставаясь интересными для современных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благова Г.Ф. К этимологии русской фамилии Бабуриной // Этнолингвистические исследования по русскому языку. Вып. IV. МГУ, 1963.
2. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Т. 2. Тюмень, 1995.
3. Цит. по: Благова Г.Ф. Указ. раб.
4. Гафуров Алим. Имя и история. М., 1987.
5. Захир ад-дин Мухаммед Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1993.
6. Там же.

Наталья Вадимовна ЛАБУНЕЦ —
профессор кафедры общего языкознания
Тюменского государственного университета,
доктор филологических наук

labunets@bk.ru

УДК 811.161.1'28

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Историко-контактологический аспект освещения ситуации языкового пограничья является значимым для изучения диалектного слова. Впервые рас-

смагиваются заимствования идеографической сферы «лес», функционирующие в зоне тюркско-русского взаимодействия старожильческих говоров Тюменской области.

Summary. *The historical approach in the aspect of contactology which regards the situation in language border zones is extremely important for researching dialect words. The borrowings from ideographical sphere «wood» which function in the area of Russian and Tyurk contacts of the Tyumen Region native dialects are analysed in the article.*

Ключевые слова. *Сибирские говоры, языковое пограничье, контактология.*

Key words. *Siberian dialects, language border zones, contactology.*

Современная действительность демонстрирует многогранность «языкового существования», в котором межкультурное взаимодействие становится едва ли не доминирующим. Активные включения в живую речь иноязычной лексики, нарастание языкового процесса заимствования требуют его осмысления в историко-контактологической перспективе. В этой связи в лингвистике все более отчетливо осознается значение и роль этноязыковых взаимодействий, протекающих на уровне народно-разговорной речи. Диалектное слово, формирующееся и развивающееся в ситуации языкового пограничья, позволяет наглядно увидеть процессы и результаты исторического контактирования в динамике общерусского варьирования, в культурологической перспективе сибирского фронта.

Инвентарь вербальных манифестаций ситуации языкового пограничья характеризуется широким спектром лексических образований — отдельных слов, лексических классов, лексических групп и т. д. В ряду глоссных проявлений языка особое место занимает географическая терминология, поскольку, обладая высокой степенью устойчивости, дает богатый историко-лингвистический материал для контактологических исследований. Немаловажным является и то, что географическая терминология относится к периферийным сферам, потому что «преимущественной сферой лексических заимствований в языке <...> оказываются более или менее периферийные категории лексики, например, отраслевая терминология, имена собственные» [1; 291].

Народная географическая терминология, в семантике которой закрепляется практика освоения окружающего пространства, занимает ключевые позиции в разработке проблем этнодиалектного контактирования в условиях конкретного региона. Устойчивость, «консервативность» геотерминологии дает возможность эксплицировать выводы экстралингвистического — не только географического, но и исторического, этноконтактологического — порядка. Народные географические термины становятся объектом пристального внимания исследователей, увидевших в них «этноконтактные смыслы» — историю взаимоотношений языков и народов, говорящих на этих языках. Отражая окружающую географическую среду, которая на уровне перцепции одинаково «прочитывается» контактирующими этносами, геотермины в условиях межкультурной коммуникации становились центрирующим началом, своеобразным звеном, связующим территориально соседствующие народы. Именно народные географические термины, писал еще в начале XX в. Л.С. Берг, содержат ценнейшие указания «на ход колонизации, перемещения масс и взаимные влияния соседних народностей» [2; 100].

Геотерминологический фрагмент тюменских старожильческих говоров отличается насыщенностью «этноконтактными смыслами», отражающими с конца XVI в. историю интенсивных взаимоотношений и взаимовлияний севернорусов с западносибирскими (тоболо-иртышскими) татарами и южными (иртышскими) ханты. Крайневосточное положение тюменского региона в Славии конца XVI — начала XVII вв., характер и направления русской колонизации Сибири объясняют то, что

на этой территории в условиях языкового пограничья не только продолжают развиваться локальные инновации, но и сохраняются архаичные явления — исконно русские и заимствованные народные географические термины.

Народная географическая терминология, манифестирующая ситуацию языкового пограничья, обладает высоким контактологическим потенциалом, который раскрывается на уровне системных связей словарного корпуса или на уровне отдельной лексемы.

В настоящей статье ставится задача выявить историко-контактологическую специфику тюменской геотерминологии с позиций этимологического анализа. Предметом исследования стал один из более чем тысячи диалектных геотерминов (*беликас*), зафиксированных нами в ходе полевых исследований на территории Тюменской области, проводившихся в 1980—2000 годах. Прежде чем перейти к непосредственному анализу, отметим, что слово рассматривается нами не как изолированная лексическая единица, но как единица, встроенная в тематическую (идеографическую) парадигму, постольку именно такая лексическая модель обладает большой объяснительной силой. В исследованиях историко-контактологического характера констатируется, что тематический (идеографический) принцип важен для этимологии, которая анализирует компоненты словарной системы языка, эволюционирующие в истории языка единым фронтом, т. е. обнаруживающие прочные устойчивые связи [3; 12].

Термин *беликас* представляет собой этимологическое гнездо с вершиной *беликас*-, репрезентируемой в составе шести форм — *белигаз*, *белигас*, *белигаст*, *белигастр*, *беликаз*, *беликас* — с общим значением «лиственный лес с преобладанием в нем березы; березовая роща, березняк; низкорослый березовый лес, растущий в болотистом месте».

В картотеке Иртышской экспедиции Уральского госуниверситета (рук. членкор. РАН А.К. Матвеев) термин фиксируется для Уватского (Ув.) района Тюменской области. Ср. *Белигас* — *маленькой, редкой березничок, нет густого лесу на ём (Ув, Остров). Белигас-от не мелкий березничек, а большие мастивы, один березник, без примеси (Ув, Осинник). Ты где был — в белигасте или в урмане? Белигаст — береза, осина, мелколесье (Ув, Уват). Я, вот, по белигастру шёл, он белый и видится, белигастр светлый (Ув, Уват). По беликазу шли на гору (Ув, Осинник).*

В настоящее время в русских говорах региона термин относится к низкочастотным, ареально ограниченным, в то время как в говорах сибирских татар Омской и Томской областей отмечается широкое бытование терминов *бөләк*, *пөйләк*, *пүләк*, *пөлик* с общим значением «лес; кусты, кустарник» [4; 46, 177, 178, 180].

С учетом ареала бытования термина закономерно этимологическую интерпретацию *беликас* проводить на базе тюркских языков, что отражает историческую реальность татарско-русского взаимодействия на тюменской территории.

Структура тюркского термина достаточно прозрачна: основа, связанная с барабинским *böläk* «лес» *pölik* «куст», *püläk* «мелкие деревья, лес» [5; 135, 177], телеутским *pöläk* «кустарник» [6; 1303] + формант *-ас*. Основа термина *беликас*, включающая сему «мелкий, маленький», может быть сопоставлена с древнетюркским *ba:la* / *ba:la* «дитя, ребенок; маленький», однако Э.В. Севортян, со ссылкой на А.М. Щербака, относит данное слово к древнейшим заимствованиям из индоевропейских языков, сопоставляя др.-тюрк. *ba:la* с санскритским *vālah* «молодой, детский, глупый, дитя» [7; 49]. Вариативные русские формы *беликас* // *беликаз*, а также наличие топонимов *Белигач*, *Беликаш*, урочище (Ваг) свидетельствуют о том, что финальный формант *-ас* восходит к тюркскому суф. *-әц* // *-әч*. В говорах сибирских татар, отмечает Д.Г. Тумашева, суф. *-әц* // *-әч* (со значением

субъективной оценки) присоединяется к основам существительных на -к [8; 126]. Последующее чередование финального *ц//ч//ш//с*, а также глухих и звонких основы *к//г*, *с//з* возможно как на русской, так и на тюркской почве.

Сложнее объяснить наращение в русских формах финального -т// -тр в формах *белигас / белигаст / белигастр*. Отметим, что в целом наращенные формы довольно широко употребляются в русской речи, причем развитие таких новообразований обусловлено не только проявлением экспрессии, но и собственно фонетическими изменениями конца слова. Так, явление эпитезы, т. е. возникновение конечного -т в словах *лес > лест*, *прикос > прикост*, засвидетельствованных в словаре-дневнике Р. Джемса 1617-1619 гг. (*liest sirUlliest* «сырой (непросушенный) лес», *Orozobskoi liest, prixoste* «прикос»), Н.Б. Ларин связывал с особенностями севернорусского, старохоломгорского говора [9; 221, 302, 376, 388]. Укажем, что в ряде говоров Уватского и сопредельного с ним Вагайского районов иноязычные топонимы, оканчивающиеся на -с, в русском употреблении также содержат приращение финального -т, ср., *Атнис ~ Ат-нист*, *Бакчен-сас ~ Бакчен-саст*, *Рагаис ~ Рагаист* и др.

Исторические источники дают возможность проследить судьбу *белигас-*, восстановив утраченные значения слова, а также ареал его былого распространения. Так, топографические описания бассейна р. Туртас (совр. Вагайский район) конца XIX — начала XX вв. позволяют реконструировать еще одно значение *белигас / белигаст* «березовый лес, выросший на месте пожарища». Ср., «Тут есть старинные гари, поросшие крупным березовым лесом, который местами уже начинает вытесняться хвойным; эти леса местные промышленники называют “белигастами”, т. е. “белые урманы”. Времени пожара, истребившего вековые леса, на месте которых выросли “белигасты”, современное население не помнит» [10; 552].

В структуре реконструированного значения, которое, скорее всего, и является первичным, выделяется компонент, отсутствующий в настоящее время: характеристика березового леса по месту его произрастания — на лесных гарях, на месте лесных пожарищ. В восстановлении семантической истории геотермина *белигас-* указанный компонент оказывается весьма значимым, позволяя объяснить причины появления и утраты слова в системе русских говоров.

Исследователями не раз подчеркивалась экстралингвистическая заданность народной географической терминологии, в основе которой лежит денотативная соотнесенность с ландшафтной характеристикой территории. Поскольку «культурно-историческое освоение территории непрерывно вызывает к жизни новые номинации» [11; 9], закономерно предположить, что и в данном случае потребность обозначить новое природное явление способствовала созданию нового слова.

Физико-географические описания Прииртышья [12], [13] позволяют сделать вывод о том, что в период первоначального освоения территории основную часть лесной зоны (зоны подтайги и южной тайги) занимали хвойные леса, значительная часть которых позже была уничтожена пожарами. По сообщениям С.К. Патканова, в 60-е гг. XIX в. лесные пожары истребили почти все урманы на огромном пространстве от р. Туртас до Оби, поэтому «погибающий хвойный лес заменяется лиственным, местами редким, местами густым, как щетка», с преобладанием на гарях мелкого осинового, березового леса, тальниковых кустов [14; 124-125]. Очевидно, что под воздействием антропогенного фактора возникли новые «лесные локусы», номинация которых потребовала новых лексических средств.

Массовое появление «белых урманов» — березовых лесов на месте пожарищ, вероятно, повлекло за собой выработку новых номинативных стратегий, отличных от тех, в которых использовались исконно русские основы *-*berz-*, *-*bel-*: *березник*, *березовник*, *бельник* и др.

Возникновение гарей на месте пожарищ способствовало не только развитию новых форм лесных массивов, но, в первую очередь, заболачиванию территории (ср. в тюменских говорах *гарь* используется в значении «глубокая яма, озерко, болотце на месте выгоревшего лесного участка»). В языковом отношении совмещение понятий «лес» и «болото» в одном слове (ранее обозначавшего «березовый лес на месте пожарища») вело к развитию в его семантической структуре нового компонента «низина, болото», несущего на себе отрицательные коннотации. Отметим, что исконно русская географическая терминология, обозначающая традиционные «березовые ландшафты», не могла использоваться в новых целях, поскольку изначально наполнена «положительной экспрессией». Ср. *Бельник — в черном лесе очудилась бела грива. — Хорошо!* (Ваг, Дубровное).

Появление нового слова на базе заимствования привело к образованию коррелятивной пары: рус. *березник, бельник* ~ тюрк. *беликас, белгас*, изначально противопоставленных по наличию «хорошего» и «плохого» березового леса. Обращает на себя внимание и тот факт, что заимствовано было такое слово, которое сохраняло ассоциативную связь (через инициальный компонент) с исконно русским — *бельник, береза*, но в то же время развивало противоположное значение.

Дальнейшая история термина *беликас*-, по-видимому, также обусловлена экстралингвистическими факторами. Изменение характера географической реальности (появление лесов иного типа на месте бывших пожарищ) способствовало вытеснению первоначального компонента значения, соотносящегося с «пожарищем, гарью, болотом». В результате слово, теряя свою уникальность, омонимическую противопоставленность, стало восприниматься в качестве синонима к *березняк, бельник*, что способствовало вытеснению слова *беликас* из активного запаса, сужению ареала его бытования.

Этимологическое изучение диалектного слова *беликас* позволяет говорить об «этнокультурных смыслах» слова, в ситуации языкового пограничья реализующих категорию «свое» — «чужое». В заимствовании тюркского компонента через систему скрытых классификаторов «хороший — плохой», «освоенный — неосвоенный» проявляются аксиологические установки создателей. Очевидно, что иноязычный элемент маркирует отрицательные — «чужие, чуждые» — свойства объекта.

Рассмотрение термина *беликас* как единицы, включенной в диалектный тематический (идеографический) класс «лес», дает возможность сделать выводы более общего характера. В исконной терминологии маркируются скорее «хорошие места», например, высокие, сухие участки, в заимствованной — «плохие места», труднопроходимые, заболоченные, глухие. Только в составе «лесных заимствований» появляются специфические значения «плохого леса»: «редкий лес с искривленными, сучковатыми деревьями», «лес со слабой, хрупкой, ломкой древесиной», «мелкий березняк, растущий в заболоченных местах». Как правило, такая реалья воспринимается с оттенком экспрессивности, что позволяет в семантическом пространстве говора «конструировать» категорию «чужого» леса, который представляется чуждым, хаотическим явлением, враждебным человеку.

Изучение историко-контактологической специфики живой народно-разговорной речи, манифестируемой в лексических классах, способствует дальнейшему разрешению вопросов о причинах заимствования, о судьбах диалектного слова в ситуации языкового пограничья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970.

2. Берг Л.С. О русской географической терминологии // Землеведение. М., 1915. Т. 22. Кн. 4. С. 98-101 // Цит. по кн.: Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.
3. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы) / Сост. проф. Богородский Б.Л., проф. Мещерский Н.А. М.: Просвещение, 1977.
4. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992.
5. Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар: материалы и исследования. Л.: Наука, 1981.
6. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. СПб., 1911.
7. Севортьян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978.
8. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977.
9. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII вв. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2002.
10. Из поездок по р. Туртасу в 1896 г. / Доклад, прочитанный И.В. Илличем в общем собрании членов Тобольского музея 13 октября 1900 г. // Сибирский листок: 1895-1900 гг. Сост. В. Белобородов (при участии Ю.Л. Мандрики). Тюмень: Мандр и К°, 2003.
11. Молчанова О.Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982.
12. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982.
13. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. Тобольская губерния / Обработан Зверинским В. СПб, 1871.
14. Патканов С.К. Очерк колонизации Сибири / Под ред. Пархимовича С.Г. Т. II. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрика, 1999.

Елена Николаевна СОКОЛОВА —
доцент кафедры общего языкознания
Тюменского государственного университета,
кандидат филологических наук
ensokol@rol.ru

УДК 811.161.1'373.231

СТРУКТУРА АНТРОПОНИМОВ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Аннотация. Статья связана с актуальным в современной лингвистической науке вопросом становления древнерусской антропонимической системы. На материале «Слова о полку Игореве» описываются состав и структура личных собственных имен в памятнике.

Summary. This article is devoted to the topical problem in modern linguistic science — restoration Old Russian's system of proper names. «The Song of Igor's Campaign» can be considered as important source for description composition and structure of proper names.

Ключевые слова. Антропоним, «Слово о полку Игореве», древнерусские памятники.

Key words. Proper name, «The Song of Igor's Campaign», old Russian monuments.

Возросший интерес к истокам русского национального самосознания, требующего решения вопросов теоретико-прикладного характера в области русской исторической антропонимики, обуславливает закономерное привлечение древнерусских памятников письменности эпохи Киевской Руси в качестве источников для изучения онимической лексики. Актуальность предлагаемой статьи обусловлена необходимостью описания антропонимического фонда памятников письменности старшей эпохи в русле сравнительно-исторического языкознания с